

ПРОЦЕСС ПЕРЕВОДА КАК РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ейгер Г.В., доктор филол. наук, (Гамельн)

Безуглая Л.Р., доктор филол. наук, (Харьков)

В статье с опорой на классические работы по переводоведению рассматривается перевод с естественных языков на естественные как особый вид речевой деятельности, связанный со специфической стадией опосредствования перехода от формы к содержанию и от содержания к форме человеческим сознанием. На основе аналитического обзора концепций процесса перевода (в частности, в теории художественного перевода и в общей теории перевода) доказывается, что предметом общей теории перевода должно быть исследование и описание процесса перевода как двустороннего акта коммуникации, включающего в себя стадии восприятия и порождения речевых высказываний. Мыслительный характер процесса перевода предполагает учет контекста и выделение высказывания в качестве единицы перевода.

Ключевые слова: высказывание, деятельность, единица перевода, коммуникация, контекст, процесс перевода, содержание, сознание, форма.

Ейгер Г.В., Безугла Л.Р. Процес перекладу як мовленнєво-розумова діяльність. У статті з опертям на класичні роботи з перекладознавства розглядається переклад з природних мов на природні як особливий вид мовленнєвої діяльності, пов'язаний зі специфічною стадією опосередкування переходу від форми до змісту та від змісту до форми людською свідомістю. На ґрунті аналітичного огляду концепцій процесу перекладу (зокрема, в теорії художнього перекладу і в загальній теорії перекладу) доводиться, що предметом загальної теорії перекладу має бути дослідження й опис процесу перекладу як двостороннього акту комунікації, що включає стадії сприйняття й породження мовленнєвих висловлень. Розумовий характер процесу перекладу передбачає урахування контексту й виокремлення висловлення в якості одиниці перекладу.

Ключові слова: висловлення, діяльність, зміст, комунікація, контекст, одиниця перекладу, процес перекладу, свідомість, форма.

Yeyger G.V., Bezugla L.R. Translation as speech and cognitive activity. Based on classical translation studies the article considers translation from natural languages to natural languages as a peculiar kind of speech activity connected with a specific stage at which human mind mediates the transition from form into content and vice versa. Analytical review of translation concepts (in literary translation studies and general translation studies) proves that the subject of general translation studies should be examination and description of translation as a two-way communication act which includes stages of perception and production of speech utterances. Cognitive nature of translation suggests considering context and selecting utterance as the translation unit.

Key words: activity, communication, content, context, form, mind, translation, translation unit, utterance.

1. Вступительные замечания. Вопрос о процессе перевода встал во главу угла, когда в 50-е годы в связи с ростом потребности в переводе научной и деловой документации начались

исследования по автоматизации перевода. Одновременно с практическими разработками формулировались основы теории, призванной обосновать принципы автоматического перевода. Обобщающим трудом в этой области явилась книга И.И. Ревзина и В.Ю. Розенцвейга [12]. Основываясь на концепциях структурализма, которым присущ принцип конвенционализма, авторы пытались разорвать естественный процесс коммуникации, устраняя из него работу человеческого сознания как необходимую стадию процесса. Однако уже в конце 60-х гг. 20 в. Ю.Г. Кузьмин [10] впервые обращает внимание на необходимость изучения процесса перевода именно как процесса мыслительной деятельности человека. Хотя эта точка зрения сразу же получила широкое распространение [14–16; 19; 21], до сих пор не существует общего мнения касательно принципов исследования процесса перевода. Ученые во многом продолжают говорить на разных языках и акцентируют необходимость изучения частных закономерностей, не приведенных к каким-то общим.

Ц е л ь настоящей статьи – с опорой на классические работы по переводоведению представить перевод как особый вид речевой деятельности, специфика которой состоит в преобразующей деятельности человеческого сознания.

После аналитического обзора концепций процесса перевода (в частности, в теории художественного перевода и в общей теории перевода) излагается его понимание как речемыслительной деятельности с учетом контекста и единицы перевода.

2. Переводческий процесс в теории художественного перевода. Наука о переводе развивается в двух направлениях. С одной стороны, она идет по пути разработки прикладных дисциплин, основанных на сопоставлении эмпирических фактов из отдельных сфер коммуникации (теория художественного перевода, теория научно-технического перевода) или же на чисто дедуктивных схемах сопоставления системно-языковых фактов (различные варианты автоматического перевода). С другой стороны, разрабатывается теория, общая по отношению к отдельным прикладным дисциплинам, со сводом законов, присущим всем видам перевода, и определяющая по отношению к их частным закономерностям. Таким образом, действуют центробежные (в сторону разработки специальных теорий) и центростремительные (в сторону создания общей теории перевода) тенденции.

Первые научные обобщения родились на почве художественного перевода – в форме художественно-эстетических критериев. Общеизвестно, что более или менее категорично все художественно-эстетические школы отстаивали исключительный, своеобразный характер перевода художественной литературы. Тем самым ограничивалась общетеоретическая значимость их выводов. Между тем, среди этих выводов было правильное определение основной задачи перевода: передача смысла оригинала, отличная от передачи буквы

подлинника. К сожалению, отрицание тождества содержания с отдельными языковыми формами вылилось в отрицание возможности вообще анализировать и устанавливать связи содержания с лингвистической формой, в которой оно воплощалось. Наиболее крайняя точка зрения (см., напр., [17]) рассматривает перевод только как искусство и считает науку о переводе невозможной.

Задачи разработки теории художественного перевода как филологической дисциплины на основе широко понимаемой сопоставительной стилистики были рассмотрены Е.Г. Эткингом [16], но и эта традиция подчеркивает разрыв между содержанием художественного произведения и языковой формой. Такой разрыв прослеживается и у И.А. Кашкина в его концепции реалистического перевода [9], и у Г.Р. Гачечиладзе [8], и даже у Е.Г. Эткинда, который выводит за пределы «чисто лингвистической основы процесса перевода» все, что «требуется выхода в эстетику и психологию», как например, стилистические характеристики произведения [16, с. 22].

Суть, очевидно, в том, что соответствие между формами оригинала и перевода понимается слишком узко – как словарно-грамматические соответствия между отдельными словами, словосочетаниями и конструкциями. Из практики известно, что переводчик часто проводит аналогию между отдельным формам оригинала и словами и конструкциями, которые не фиксируются ни одним словарем и ни одной грамматикой. Более того, нередко сколько-нибудь близкие словарно-грамматические соответствия оригиналу вообще не появляются в переводе; на их месте – совершенно новые слова и конструкции, подсказанные общим смыслом. Таким образом, речь идет, в первую очередь, о степени свободы выбора. Более высокая свобода выбора, диктуемая практикой, объясняется необходимостью учета эстетических (стилистических) и психологических факторов. Поскольку в лингвистической традиции последних десятилетий это означало выход за пределы лингвистики, связь между формой и содержанием считалась неязыковой, вне компетенции лингвистического анализа.

Единственный существенный вывод для теории из создавшегося положения – это необходимость изучения влияния эстетико-стилистических параметров на процесс оформления мысли в речь. В отрыве содержания от формы его воплощения теоретическая мысль бесплодна. Справедливо писал А.Л. Кундзич: «Самым целомудренно белым пятном в теории перевода остается вопрос, с которого она должна бы начинаться: в чем сущность творческого процесса перевода? Как совершается перевоплощение прекрасного из одного языка в другой?» [11, с. 219]. О процессе перевода А.Л. Кундзич говорит как о «сложнейшем, осуществляющемся в материале двух языков, до сих пор не раскрытом, но безусловно едином, специфическом (сфера искусства) мыслительно-эмоциональном процессе» [11, с. 220–221]. Однако А.Л. Кундзич

мыслит только в рамках художественного перевода, не распространяя свои выводы за его пределы (центробежная тенденция).

3. Переводческий процесс в общей теории перевода. Центростремительные тенденции проявились в создании лингвистической теории перевода, которая ассоциируется в нашем представлении (также и за рубежом [20]) с выходом в свет труда А.В. Федорова [13].

Определяя задачу перевода как передачу смысла подлинника, лингвистическая теория вместе с тем справедливо указала на невозможность строить теорию перевода без исследования форм, в которых воплощается содержание. Языковые формы рассматриваются не как изолированные единицы языковой системы, а во взаимосвязи и в соответствии данному содержанию. По словам Л.С. Бархударова, «сопоставление языковых единиц в теории перевода может производиться только на основе общности выражаемого ими содержания», «совершенно не играет роли принадлежность сопоставляемых единиц к одному и тому же аспекту или уровню языковой системы», «существенным является лишь их семантическое тождество» [3].

Между языком как системой средств и речью как формой их функционирования проводится принципиальное различие. Устанавливается эквивалентность понятий речи и функционального стиля. «Стилистическая сторона лингвистической проблемы перевода (и не только перевода художественного) представляется автору особенно важной и интересной», – писал А.В. Федоров [13, с. 12], поскольку «смещение явлений языка и явлений стиля (как явлений речи) неизбежно приводит к чисто формальному истолкованию и воспроизведению языковых явлений как таковых» [13, с. 28–29].

Лингвистическая теория подходит к переводу как к мыслительному процессу, как к работе человеческого сознания. У А.В. Федорова находим: «Процесс перевода, как бы быстро он ни совершался, <...> неизбежно распадается на два момента. Чтобы перевести, необходимо, прежде всего, понять, точно уяснить, истолковать самому себе переводимое <...>. Далее, чтобы перевести, нужно найти, выбрать соответствующие средства в том языке, на который делается перевод» [13, с. 17–18]. У Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне эта мысль развита еще решительнее: «Тот, кто переводит, переводит не для того, чтобы понять, но для того, чтобы поняли другие. Он же сам понимает до того, как переводит» [22, с. 24]. «Переводчик исходит из смысла, и все его переводные операции совершаются в области семантики. Поэтому он нуждается в единице, которая не была бы полностью формальной, поскольку над формой он работает лишь в начале и в конце мыслительного процесса <...>. Единицей, которую предстоит выделить, является единица мысли» [22, с. 37].

Трактовка процесса перевода как специфически человеческой, речемыслительной деятельности определялась, конечно, тем, что лингвистическая теория опиралась на опыт

естественного перевода, осуществляемого человеком, и апеллировала к человеку же. Существенное значение имело также то обстоятельство, что фактологической базой для нее служил художественный перевод с его филологическими традициями, т.е. с безусловным выходом в «экстралингвистическую» сферу.

Однако эта односторонняя ориентация определила и слабость лингвистической теории. Свои выводы она полагала бесспорными для художественного – и только художественного – перевода. В отступление от одного из кардинальных положений – о функциональном стиле как форме речи – лингвистическая теория недостаточно бескомпромиссно проводила мысль о неотделимости смысловых функций языковых средств в речи от стилистических. Непоследовательным было выделение «нейтрального стиля», якобы характерного для деловых и научно-технических сфер общения. Оно способствовало сохранению центробежных тенденций.

Самое существенное для истории развития науки о переводе заключалось в том, что миф о «стилистически нейтральном», «чисто лингвистическом» характере деловых и научно-технических произведений речи послужил основным стимулом – вдохновляющим, но и дезориентирующим – к разработке теории автоматического перевода. В книге И.Н. Ревзина и В.Ю. Розенцвейга [12] самым значительным в теоретическом плане расхождением с лингвистической теорией перевода является постулат о пяти равноправных типах реализации перевода, из которых якобы лишь один – так называемый «адекватный» – требует передачи стилистических характеристик (переход отсюда к двум равно возможным схемам перевода – «собственно перевода» и «интерпретации» – всего лишь, как говорится, дело техники).

Основная причина недоработки лингвистической теорией вопроса о неразрывной связи стилистических и смысловых характеристик заключается в том, что не было уделено должного внимания анализу процесса перевода, общим закономерностям перехода от формы оригинала к содержанию и от содержания к форме перевода. По логике развития теории необходимо показать, что смысловые и стилистические характеристики нераздельны потому, что они восходят к особенностям процесса перевода. Только анализ этого процесса мог бы уточнить такие важнейшие понятия лингвистической теории, как содержание, контекст, ситуация, единица перевода.

Для лингвистической теории вопрос о процессе перевода не стал основным, по-видимому, потому, что, адресуясь к человеку, она в значительной степени достигала своих целей (обучение анализу в процессе перевода) легко доступным человеку методом аналогии – так сказать, решением общих задач «в частных производных» закономерных соответствий. Непоследовательность же в стилистическом аспекте объясняется, очевидно, тем, что

лингвистическая теория выросла из традиций художественного перевода, и перевод, например, научно-технических текстов остается для нее в значительной степени «неведомой землей».

4. Механизм процесса перевода как речемыслительная деятельность. Анализируя механизм процесса перевода, мы прежде всего должны искать то общее, что лежит в основе всех частных случаев, а уже затем объяснять, в чем сущность частных вариаций. Общее же определяется, несомненно, тем, что при любых условиях переводчик должен воспринять содержание, отраженное в оригинале, и перевыразить его средствами языка перевода. Процесс перевода есть, прежде всего, двусторонний акт коммуникации. В любом случае, чтобы перевести оригинальное высказывание, переводчику необходимо:

а) воспринять его содержание, т.е. воссоздать в сознании стоящую за ним действительность (ситуацию действительности) – эта стадия перевода аналогична пониманию речевого высказывания в монологическом плане;

б) переотразить воссозданную в сознании ситуацию средствами другого языка – эта стадия аналогична в монологическом плане порождению речевого высказывания.

Таким образом, процесс перевода во всех существенных чертах должен быть аналогичен процессу речевой деятельности вообще, а общие закономерности его – общим закономерностям психологического механизма восприятия и порождения речевых высказываний. В предмет теории, изучающей процесс перевода по преимуществу должно входить, прежде всего, исследование того, как осуществляется переход от ситуации действительности к ее отражению в речи. И только вслед за этим исследованием и на его основе – описание отдельных технических приемов, методических правил и т.п.

Как следует из выше сказанного, в качестве непосредственного цельного объекта исследования выступает взаимосвязь речевого высказывания с отражаемой в нем ситуацией действительности и переход от одного к другому. Естественно, однако, при этом подразумевается, что речевое высказывание есть совокупность некоторых речевых единиц, стоящих в определенном отношении к соответствующей совокупности дискретных единиц ситуации действительности. Следовательно, существенным является: а) с какими единицами действительности как исходного плана и с какими единицами речи как конечного плана мы имеем дело при переводе или – шире – в речевой деятельности; б) в каком отношении стоят одни к другим и как происходит преобразование одних в другие; в) как происходит выделение дискретных единиц в действительности и организация их в определенные структуры в речевых высказываниях; и уже на этой основе определить г) понятие ситуации как некоторого образования в плане содержания и понятие речевого высказывания как соответствующего ему образования в плане выражения, – с целью выделения некоторой единицы перевода,

существенной с точки зрения реализации процесса речевого мышления (и перевода).

5. Единица перевода. В известном смысле, вся история развития науки о переводе – это история поиска единицы перевода как непосредственного объекта перевода. История эта со всей очевидностью свидетельствует, что попытки отыскать единицу перевода в речевом материале, рассматриваемом только в свете комбинации единиц языковой системы, бесплодны [13, с. 157–160; 14; 22, с. 36–42]. Тем не менее, понятие единицы перевода продолжают связывать непосредственно с языковыми структурами и категориями. В результате, одни исследователи, как А.В. Федоров, ограничиваются признанием трудности или даже невозможности установления постоянной единицы перевода. Другие, как Л.С. Бархударов, считают возможным установить определенный набор единиц перевода по соответствию отрезков текста различным единицам языковой системы [4]: единица перевода определяется как «наименьшая единица исходного языка (ИЯ), которая имеет соответствие в ПЯ» (переводящем языке); при этом «единица любого языкового уровня может оказаться единицей перевода» – и фонема, и морфема, и слово, и словосочетание, и предложение, и целый текст. Третьи, как О. Каде [19], пытаются определить единицу перевода как принципиально динамическую, вариативную единицу, зависимую от структурно-типологических свойств языков оригинала и перевода, а именно как наименьший отрезок текста на ИЯ, который можно заменить отрезком текста на ПЯ при сохранении инвариантным содержания. Чем ближе ИЯ и ПЯ по структурно-типологическим свойствам, тем меньшими будут единицы перевода, и наоборот.

Такое определение единицы перевода представляется не более конструктивным, нежели простое отрицание наличия постоянных единиц. Оно никак не связывает выделение единицы перевода с сущностью процесса перевода, которая, по концепции О. Каде, заключается в установлении семантико-функциональной эквивалентности языковых знаков ИЯ и ПЯ в процессе их актуализации на уровне речи, т.е. в процессе мышления. Наоборот, определение О. Каде теоретически опасно тем, что уводит нас в сторону чисто формального выделения единиц перевода. Если структурно-типологические особенности определяют единицу перевода, которая есть единица смысла, то получается, что именно языковые формы определяют понимание и отражение действительности человеком. Отсюда уже один шаг до тезиса: «язык определяет видение мира», который противоречит исходным позициям самого О. Каде.

Несомненно, что не в степени структурно-типологического родства ИЯ и ПЯ лежат истинные трудности перевода. Известно, что перевод с близкородственных языков не менее, а то и более труден, нежели с чужеродных языков. Настоящие проблемы возникают при переводе тогда, когда работают с языками, носители которых обладают различной степенью и

различными формами познания мира (в науке, религии, социальных структурах и т.п.), т.е. когда имеются существенные различия в сопоставляемых системах понятий и представлений.

Для О. Каде характерно то, что характерно для многих теоретиков перевода: фактический отрыв результата мыслительной деятельности переводчика (речи) от процесса мыслительной деятельности. Это проявляется в отрыве филологического анализа от языкового, смысловых характеристик от стилистических и т.д. Но прав, безусловно, не Е.Г. Эткинд, который считает, что «научно-филологический анализ вырывается за пределы лингвистического, так как требует выхода в эстетику и психологию», что с этой точки зрения перевод художественный «с переводом текстов научных и деловых почти ничего общего не имеет, кроме разве чисто лингвистической основы процесса перевода» [16, с. 22]. Прав А.Л. Кундзич, который говорит: «ни в процессе перевода, ни в его теоретическом анализе отделить лингвистическое от прекрасного невозможно, так как прекрасное является функцией лингвистического <...>. Эстетическая функция возникает в лингвистическом элементе немедленно в момент написания слова или перевода его <...>. Обе эти категории в переводе, безусловно, присутствуют, но они безусловно неотделимы» [11, с. 221]. Эти слова прямо указывают на то, что содержание речевого произведения со всеми его характеристиками рождается в ходе единого процесса мыслительно-речевого синтеза и воспринимается в таком же едином процессе анализа.

Со всей очевидностью лингвистической теорией установлено, что ни один отрезок речи, отождествляемый по форме с единицей или конструкцией языковой системы, не может быть признан автономной смысловой единицей, а значит, и единицей перевода. Вся суть в том, что единица перевода должна быть целостной в смысловом отношении, а ни слово, ни предложение такой целостностью не обладают. Показательны в этой связи сдвиги при переводе (*translation shifts*), при которых грамматические структуры могут совершенно разрушаться, что говорит об отсутствии имманентной связи со смысловыми структурами [18]. Из практики перевода достаточно вспомнить, что очень часто имеет место дробление и объединение предложений, замена целых предложений и их частей (например, придаточных предложений) полупредикативными и номинативными конструкциями и наоборот.

Практически, и в лингвистике, и в теории перевода объектом анализа остаются, главным образом, речевые образования, определяемые рамками предложений – очевидно, потому, что они наиболее близки к смысловому целому. Однако в виду явной несоотнесенности грамматических моделей предложения со смысловыми структурами, такие образования именуются высказываниями. Это обозначение ассоциируется с законченным отрезком мысли (тем, что хотел сказать говорящий) и вместе с тем не определяется формально-

грамматическими признаками.

6. Механизм учета контекста и ситуации в процессе перевода. Теоретики лингвистического направления связывали мыслительный характер процесса перевода с учетом контекста (узкого, ближайшего, микроконтекста, широкого, отдаленного, макроконтекста), однако не дошли до необходимости объяснить психологическую сущность, механизм учета контекста. Контекст поэтому выступает как нечто дополняющее языковые нормы (ср. с интерпретацией А.Д. Швейцера отношения эквивалентности по О. Каде: «отношения эквивалентности устанавливаются не непосредственно между знаком ИЯ и знаком ПЯ, а между знаком ИЯ+ контекст и знаком ПЯ+ контекст» [15, с. 33]).

По-видимому, именно по причине неопределенности понятия контекста в плане содержания постепенно была осознана необходимость введения понятия, более непосредственно связанного с этим планом. Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, отождествляя «единицу мысли» с «ограниченным контекстом», с «синтагмой, один из элементов которой определяет перевод другой», писали: «Высказыванию соответствует одна или несколько ситуаций. Ситуация есть действительность, которую вызывают в воображении слова. Известно, как опасно бывает переводить, не учитывая контекст. Идя еще дальше, мы утверждаем, что и контекст обретает свой полный смысл лишь тогда, когда мысленно восстанавливается описываемая ситуация» [22, с. 28]. К сожалению, эта замечательная мысль не получила у них последовательного развития. Процесс перехода от ситуации к высказыванию не был описан. При явной корреляции ситуации с высказыванием как единиц плана содержания и плана выражения ситуация не была определена относительно высказывания, а высказывание относительно ситуации (почему, собственно, «высказыванию соответствует одна или несколько ситуаций»?). Оба понятия остаются чисто интуитивными.

Непосредственная связь между ситуацией как отрезком действительности и высказыванием как речевым образованием, его отражающим, намечается в концепции, развиваемой В.Г. Гаком, который писал: «В акте речи мы имеем дело не с отдельным словом, а с целым высказыванием (план выражения), которое описывает не отдельный предмет, а ситуацию, причем понятия, определяемые словами и грамматическими формами, образуют план содержания». Бывает, что «расхождения отмечаются не только в плане выражения (слова), но и в плане содержания (понятия, выраженные словами, не совпадают), тождество двух высказываний определяется единством самой ситуации <...>. Языки различаются не только тем, как они передают одни и те же понятия ситуации, но и тем, какие аспекты отбираются говорящим на данном языке при описании данной ситуации» [5, с. 12–13].

Сам процесс перехода от ситуации к высказыванию, реконструируемый В.Г. Гаком [6],

имеет, на наш взгляд, искусственный характер, так как реконструкция построена не на выявлении в речи следов реальных процессов мышления, а на расчленении действительности в соответствии с трансформированными синтаксическими функциями и общесемантическими категориями закрытой языковой системы. В.Г. Гак рассматривает процесс «описания» ситуации речевым высказыванием как переход:

- от глубинных семантико-синтаксических функций и структур, в которых члены предложения соответствуют реальным (первичным) функциям субстанций и признаков действительности, а отношения между членами предложения иконически отображают реальные отношения между элементами процесса,
- к поверхностным структурам (трансформам глубинных), в которых синтаксические элементы утрачивают свой иконический характер и используются в чисто строевом или переносном значении (во вторичных функциях).

Однако, в качестве реальных субстанций и реальных отношений между ними выступают аналоги семи синтаксических членов предложения и отношений между ними (более дробная по сравнению с обычной пятичленной классификация), т.е. имеет место перенос языковых категорий на действительность, подразумевается прямая связь между действительностью и языковой системой. Роль сознания сводится лишь к механической трансформации во вторичные поверхностные структуры некоторых первичных глубинных структур, наличествующих якобы непосредственно в реальной действительности (и отраженных в первичных языковых функциях).

Все это объясняет и несколько удивительное, на первый взгляд, объединение В.Г. Гаком всех ситуаций за исключением «речевых» в категорию «предметных» или «денотативных». Ведь в нашей речи отражаются не только (и не столько) реально вычленимые, чувственно воспринимаемые денотаты, но и понятия и представления, являющиеся продуктом абстрагирующей познавательной деятельности разума (например, научные понятия, тем более гипотетические).

Понятие высказывания В.Г. Гаком специально не определяется, но по существу выступает как актуализированный аналог грамматического предложения. Однако важно то, что В.Г. Гак, выдвигая ситуационную модель языкового синтеза [7], напротив, предполагает не формально-аналитическую, а активно-созидательную деятельность человеческого сознания в «описании» ситуаций действительности, т.е. в отражении ситуации в речи (не все ситуации поэлементно описываются, но все так или иначе отражаются), стоящих за речевыми высказываниями, ибо перевод не сводится к рекомбинации задаваемых оригиналом синтаксических связей и семантических компонентов, а заключается в отборе элементарных

смыслов, которые в совокупности часто дают иные семантико-синтаксические комплексы, нежели заданные оригиналом. Гипотеза В.Г. Гака предполагает, в неявной форме, действие (и необходимость изучения) особых объективированных механизмов человеческого сознания, которые и обуславливают порождение речи со всем тем комплексом свойств, которые мы идентифицируем как смысловые и стилистические характеристики.

Ближе других подошел к определению ситуации в связи с формированием высказывания Ш. Балли. Он указал на тесную связь между высказыванием и ситуацией, на наличие «неартикулируемых ситуативных знаков», на то, что не все существенное для восприятия ситуации эксплицируется в высказывании [2, с. 49–50]. Однако у Ш. Балли понятие ситуации неоднозначно. Наряду с тем, что отражается в высказывании, под ситуацией понимается и то, что окружает данное высказывание; при этом устанавливается эквивалентность ситуации и контекста: «В конечном счете нет какой-нибудь существенной разницы между немymi знаками, которое нам дает окружение и (столь же немymi) знаками, которые мы извлекаем при помощи памяти из ранее произнесенных слов, т.е. из контекста». «Контекст вызывает в памяти слова, а ситуация – представления; но <...> и те, и другие играют в речи одну и ту же роль» [2, с. 52]. Существенно важно для нас, что здесь чисто «лингвистический» фактор (слова) играет ту же роль в актуализации значения, что и «экстралингвистический» (представления): это звенья одной цепи мыслительно-речевого процесса.

Интересно отметить, что эту особую разновидность контекста-ситуации выделяла также Н.Н. Амосова [1] под названием «речевой ситуации», которая «существует не только в такой непосредственной данной форме, но и в форме описания обстановки <...> в виде языкового изложения, того, что иногда называют «широким контекстом». Контекст речевой ситуации Н.Н. Амосова принципиально отличала от собственно «контекста» или «узкого контекста» – непосредственно языковых условий употребления слова, некоего речевого целого, обуславливающего понимание определенного лексического значения слова, входящего как компонент в это речевое целое. «Контекст в этом строгом определенном смысле термина – это собственно языковой семантический фактор, а речевая ситуация по своей сути – внеязыковой фактор выявления значения слова» [1].

Возвращаясь к Ш. Балли, мы находим у него еще одно, более широкое понимание ситуации: как всего предшествующего опыта говорящего субъекта, т.е. того, что некоторые называют «макроконтекстом» (по аналогии можно было бы говорить о «макроситуации»): «не только элементы, воспринимаемые чувствами в процессе речи, но и все известные собеседникам обстоятельства, которые могут служить мотивом для их разговора», а также «постоянная ситуация, образуемая всей общественной жизнью в пределах группы: занятием

одной и той же профессией, классовыми традициями и обычаями и т.д.», отражающаяся «в произносимых нами словах и <...> в синтаксисе предложений» [2, с. 53]. Как видим, акцентируется непосредственное участие в оформлении речевых высказываний структур человеческого сознания, сформированных в процессе познания мира. Однако, при всем том, что Ш. Балли указал на ряд существенных взаимосвязей между ситуацией, сознанием и высказыванием, непосредственно механизм отражения ситуации в высказывании им не был проанализирован.

7. Выводы. Ретроспективный анализ концепций процесса перевода позволяет сделать следующие выводы. Перевод с естественных языков на естественные есть особый вид речевой деятельности, связанный со специфической стадией опосредствования перехода от формы к содержанию и от содержания к форме человеческим сознанием. Содержание не дано в речи в явной форме дискретных смысловых единиц и структур. Это означает, что оно может быть воспринято из форм речи, а также воплощено или перевоплощено в речь не иначе, как при помощи преобразующей деятельности человеческого сознания. В этом свете предметом общей теории перевода по преимуществу должно быть исследование и описание процесса перевода именно как процесса речевого мышления и деятельности, т.е. как двустороннего акта коммуникации, включающего в себя стадии восприятия и порождения речевых высказываний. Это означает, что в сферу лингвистического анализа должны быть включены все стадии и механизмы порождения и восприятия речи, влияющие на конечный результат процесса.

В этой связи перспективным представляется, во-первых, рассмотрение всех основных понятий теории перевода (начиная с таких общих, как «действительность», «речь», «стиль», «ситуация», «высказывание», «денотат», «понятие», «знак», и кончая специально-техническими) исходя из закономерностей формирования мысли-речи на всем пути от восприятия действительности до конечного отражения ее в речи.

Во-вторых, определение закономерностей речевого мышления должно показать, какие из параметров являются постоянными и действующими при всех видах перевода в любых условиях, а какие переменными и в различной степени специфичными для отдельных видов и условий перевода (например, в чем сущность филологического подхода к переводу художественной литературы и какие функционально-эквивалентные задачи стоят при переводе других видов речевых произведений).

В-третьих, процесс перевода должен быть изучен как процесс относительно произвольного (т.е. специально не направляемого контрольно-аналитическими центрами мозга) речевого мышления в идеальных условиях. Выяснение кинетики процесса в идеальных условиях должно дать более точное представление о возможностях оптимизации процесса

перевода при отклонениях тех или иных параметров (например, степени владения языком, эрудиции в данной сфере деятельности и т.п.) от идеальных показателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова Н.Н. Слово и контекст / Н.Н. Амосова // Ученые записки ЛГУ. – 1958. – № 243. – Сер. филол. наук. – Вып. 42. – С. 3–23.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Шарль Балли. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1955. – 416 с.
3. Бархударов Л.С. Общелингвистическое значение теории перевода / Л.С. Бархударов // Теория и критика перевода. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1962. – С. 150–174.
4. Бархударов Л.С. Уровни языковой иерархии и перевод / Л.С. Бархударов // Тетради переводчика. – 1969. – Вып. 6. – С. 3–12.
5. Гак В.Г. Беседы о французском слове / В.Г. Гак. – М. : Международные отношения, 1966. – 336 с.
6. Гак В.Г. К проблеме соотношения между структурой высказывания и структурой ситуации / В.Г. Гак // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. – М. : Изд-во МГУ, 1969. – С. 67–79.
7. Гак В.Г. О моделях языкового синтеза / В.Г. Гак // Иностранные языки в школе. – 1969. – № 4. – С. 15–22.
8. Гачечиладзе Г.Р. Проблема реалистического перевода : автореф. дисс. ... докт. филол. наук / Г.Р. Гачечиладзе. – Тбилиси : Изд-во АН Груз. ССР, 1961. – 28 с.
9. Кашкин И.А. В борьбе за реалистический перевод / И.А. Кашкин // Вопросы художественного перевода. – М. : Советский писатель, 1955. – С. 120–164.
10. Кузьмин Ю.Г. К вопросу о предмете и методе теории перевода / Ю.Г. Кузьмин // Вопросы теории и практики научно-технического перевода. – Л. : Наука, 1968. – С. 9–18.
11. Кундзич А. Переводческий блокнот / А.Л. Кундзич // Мастерство перевода 1966. – М. : Советский писатель, 1968. – С. 199–238.
12. Ревзин И.И. Основы общего и машинного перевода / И.И. Ревзин, В.Ю. Розенцвейг. – М. : Высшая школа, 1964. – 244 с.
13. Федоров А.В. Основы общей теории перевода / А.В. Федоров; 3-е изд. – М. : Высшая школа, 1968. – 396 с.
14. Федоров А.В. О соотношении отдельного и целого в процессе перевода как творчества / А.В. Федоров // Вопросы языкознания. – 1970. – № 6. – С. 34–35.
15. Швейцер А.Д. К проблеме лингвистического изучения процесса перевода / А.Д. Швейцер //

Вопросы языкознания. 1970. – № 4. – С. 30–42.

16. Эткинд Е.Г. Художественный перевод: искусство и наука / Е.Г. Эткинд // Вопросы языкознания. – 1970. – № 4. – С. 11–19.

17. Cary E. La traduction dans la monde moderne / Edmond Cary. – Genève : Librairie de l'Université, 1956. – 196 p.

18. Catford J.C. A linguistic theory of translation / J.C. Catford. – London : Oxford University Press, 1969. – 103 p.

19. Kade O. Zufall und Gesetzmäßigkeit in der Übersetzung / Otto Kade. – Leipzig : Enzyklopädie, 1968. – 33 S. (Beiheft zur Zeitschrift „Fremdsprachen“)

20. Mounin G. Les problèmes théoriques de la traduction / Georges Mounin. – Paris : éd. Gallimard, Bibliothèque des Idées, 1963. – 296 p.

21. Nida E. The theory and practice of translation / Eugene A. Nida, Charles R. Taber. – Leiden : E.J. Brill, 1969. – 218 p.

22. Vinay J.-P. Stylistique compare du français et de l'anglais. Méthode de traduction / J.-P. Vinay, J. Darbelnet. – Paris : Edité par Didier, 1958. – 331 p.

REFERENCES

1. Amosova, N.N. (1958). Slovo i kontekst [Word and context]. *Uchenye zapiski LGU, Ser. filol. nauk*, 243, Vyp. 42. 3–23 (in Russian)

2. Balli, Sh. (1955). *Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka [General linguistics and issues of French]*. Moscow: Izd-vo inostr. lit-ry (in Russian)

3. Barhudarov, L.S. (1962). Obshhelingvisticheskoe znachenie teorii perevoda [General linguistics importance of translation theory]. In: *Teorija i kritika perevoda*. (pp. 150–174). Leningrad: Izd-vo LGU (in Russian)

4. Barhudarov, L.S. (1969). Urovni jazykovoj ierarhii i perevod [Levels of language hierarchy and translation]. *Tetradi perevodchika*, Vyp. 6, 3–12 (in Russian)

5. Gak, V.G. (1966). *Besedy o francuzskom slove [Counselling for French word]*. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija. (in Russian)

6. Gak, V.G. (1969). K probleme sootnoshenija mezhdru strukturoj vyskazyvanija i strukturoj situacii [On problems of relation between utterance structure and situation structure]. In: *Psihologicheskie i psiholingvisticheskie problemy vladenija i ovladenija jazykom* (pp. 67–79). Moscow: Izd-vo MGU. (in Russian)

7. Gak, V.G. (1969). O modeljah jazykovogo sinteza [On models of language synthesis]. *Inostrannye jazyki v shkole*, 4, 15–22 (in Russian)

8. Gachechiladze G.R. (1961). *Problema realisticheskogo perevoda [Problem of realistic translation]*. Unpublished doctor dissertation synopsis Academy of Sciences of the Georgian SSR, Tbilisi, Georgia. (in Russian)
9. Kashkin I.A. (1955). V bor'be za realisticheskij perevod [In the fight to translate realistic]. In: *Voprosy hudozhestvennogo perevoda* (pp. 120–164). Moscow: Sovetskij pisatel'. (in Russian)
10. Kuz'min, Ju.G. (1968). K voprosu o predmete i metode teorii perevoda [On the question about the subject and method of translation theory]. In: *Voprosy teorii i praktiki nauchno-tehnicheskogo perevoda* (pp. 9-18). Leningrad: Nauka. (in Russian)
11. Kundzich, A. (1968). Perevodcheskij bloknot [Translators notebook]. In: *Masterstvo perevoda 1966* (pp. 199–238). Moscow: Sovetskij pisatel'. (in Russian)
12. Revzin, I.I. & Rozencvejg, V.Ju. (1964). *Osnovy obshhego i mashinnogo perevoda [Foundations of general and machine translation]*. Moscow: Vysshaja shkola. (in Russian)
13. Fedorov, A.V. (1968). *Osnovy obshhej teorii perevoda [Foundations of the general translation theory]*. M.: Vysshaja shkola. (in Russian)
14. Fedorov, A.V. (1970). O sootnoshenii otdel'nogo i celogo v processe perevoda kak tvorchestva [On relation of specific and whole in the translation process as creation]. *Voprosy jazykoznanija*, 6, 34–35 (in Russian)
15. Shvejcer, A.D. (1970). K probleme lingvisticheskogo izuchenija processa perevoda [On problem of translation process linguistic studies]. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 30–42 (in Russian)
16. Etkind E.G. (1970). Hudozhestvennyj perevod: iskusstvo i nauka [Literary translation: arts and science]. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 11–19 (in Russian)
17. Cary, E. (1956). *La traduction dans la monde moderne*. Genève: Librairie de l'Université.
18. Catford, J.C. (1969). *A linguistic theory of translation*. London: Oxford University Press.
19. Kade, O. (1968). *Zufall und Gesetzmäßigkeit in der Übersetzung*. Leipzig: Enzyklopädie (Beiheft zur Zeitschrift „Fremdsprachen“).
20. Mounin, G. (1963). *Les problèmes théoriques de la traduction*. Paris: éd. Gallimard, Bibliothèque des Idées.
21. Nida, E.A. & Taber, Ch.R. (1969). *The theory and practice of translation*. Leiden: E.J. Brill.
22. Vinay, J.-P. & Darbelnet, J. (1958). *Stylistique compare du français et de l'anglais. Méthode de traduction*. Paris: Edité par Didier.